

HALINA BARTWICKA
WSP w Bydgoszczy

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ СЛОВООПРЕДЕЛЕНИИ

Специфика языка художественной литературы заключается прежде всего в том, что коммуникативная функция дополняется и осложняется в художественной речи эстетической функцией. Язык художественного произведения, помимо смысловой, передаёт ещё экспрессивную информацию, восприятие которой вызывает определённые эмоции, доставляет эстетическое наслаждение.

Каждое слово, как элемент художественной речи, видоизменяется. Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением, буквальное значение слова в произведении обрывается новым, иным смыслом. В системе эстетически организованного целого обогащается его смысловая структура, изменяется стилистическая окраска слова, расширяются возможности сочетаемости слов. Таким образом, в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка.

Обогащение смысловой ёмкости слова неразрывно связано с проблемой индивидуального словоупотребления. Существенную роль играет отбор писателем языкового материала. В подлинном произведении искусства любое слово незаменимо. Индивидуальное лицо писателя создаётся именно отбором, преимущественным использованием определённых языковых средств. Авторский стиль проявляется не столько в создании новых слов и значений, сколько в отборе и своеобразном применении речевых средств¹. "Словоупотребление писателя обусловлено его умением найти необходимый и характерный для соответствующего художественного замысла способ образного обобщения предмета, явления, действия и т.п."².

Одной из задач науки о языке является исследование осо-

бенностей функционирования слова в художественной речи, изучение семантических изменений в слове, выяснение разнообразных ассоциативных связей и авторского преобразования общеупотребительных средств языка.

Цель данной статьи - на материале произведений Чехова показать некоторые особенности авторского словопотребления; выяснить возможности смыслового развития слова, указать "комбинаторные приращения" или "обертоны смысла", "которые нами воспринимаются; но не имеют своих знаков в речи; а образуются из взаимодейственной совокупности слов"³. Тонкие семантические нюансы, которые наслаиваются на прямое значение слова, могут образоваться "и в пределах одной фразы, и, кроме того, из сочетания периодов - в пределах главы; далее, есть оттенки, возникающие только из законченного литературного целого"⁴.

Ю. Тынянов, характеризуя смысл поэтического слова, отмечает: "Слово не имеет одного определённого значения. Оно - хамелеон, в котором каждый раз возникает не только разные оттенки, но и разные краски"⁵.

Различного рода художественные "приращения", возникающие в слове, входят в систему изобразительных средств стиля писателя. Обогащаясь семантически в системе авторского словопотребления, слово является одним из средств выражения какого-то общего идейного замысла.

Анализируя лексику писателя, надо определить какую преобладающую роль у этого писателя выполняет данный языковой компонент в произведении и почему это происходит.

Материалом для настоящей статьи послужили все употребления слова "странный" в художественной прозе и драматургии Чехова.

Это слово в произведениях Чехова встречается довольно часто и используется для воплощения идейного и художественного замысла автора⁶. Оно не претерпевает значительных смысловых обогащений, но в каждом отдельном случае употребление его глубоко мотивировано или речевой ситуацией, или контекстом и играет существенную роль для характеристики определённых персонажей, предметов, явлений. В многочисленных употреблениях этого слова прослеживается связь со "странными" явлениями конца XIX века, отражается чеховское восприятие эпохи.

Слову "странный" не свойственна особая многозначность. Сло-

вари русского языка ⁷ отмечают всего два основных значения этого слова, причём одно из них является устаревшим и в современном языке не употребляется. За исключением двух случаев оно не использовалось Чеховым. Поэтому нам предстоит иметь дело только с одним значением и его оттенками. Первое значение слова "странный" в БАС ⁸ толкуется следующим образом - 'необычный, непонятный, вызывающий недоумение.' Толкование этого значения в пяти остальных указанных выше словарях современного русского языка почти полностью совпадает. Во всех словарях, кроме БАС, под этим значением объединяются почти все употребления слова "странный", без выделения дополнительных оттенков или словосочетаний, способствующих семантическому обогащению слова. В двух словарях, а именно в БАС и в "Словаре языка Пушкина", выводятся дополнительные оттенки и словосочетания.

Так, в БАС выделяются два оттенка: 'отличающийся необычными, непонятными, вызывающими недоумение привычками, взглядами, поступками: со странностями', а также 'свойственный человеку со странностями; принадлежащий ему'.

В "Словаре языка Пушкина" выделяется один оттенок - 'необычный, своеобразный, оригинальный'.

Рассмотрим теперь, как реализуются выше названные значения и оттенки слова "странный" в произведениях Чехова.

Собранный материал позволяет выделить оба отмеченные словарями значения.

Следует подчеркнуть, что уже основное значение отчётливо членится на три подгруппы, в каждой из которых преобладает определённая характеристика явления, а именно его необычность, непонятность и вызываемое им недоумение. Кроме того, выделяется ряд случаев, в которых эти характеристики совмещаются тем или иным образом. Назовём эти группы условно оттенками внутри основного значения. Названные оттенки реализуются в многочисленных, самых разнообразных сочетаниях, которые образуют как абстрактные существительные (странная форма, странная жизнь, странное явление, странный дух, странное время, странное чувство), так и конкретные (странная лошадь, странная шубка, странный дом, странная сбура, странный чай).

Не будем останавливаться на тех чеховских употреблениях

слова "странный", которые выступают без особой идеологической сложности, повторяя семантику слова в общем употреблении. Наше внимание привлекают те случаи, в которых писатель творчески преобразует общенародную семантику слова в соответствии со своими эстетическими принципами.

В ряде случаев значение слова "странный" не исчерпывается приведенными выше толкованиями. В нём присутствуют дополнительные характеристики предмета или явления. Фактически здесь наблюдается расширение общезыкового значения, оно обогащается новыми авторскими оттенками. В высказываниях персонажей в таких необычных употреблениях присутствует дополнительный оттенок осуждения, где "странный" не только "необычный", а скорее 'плохой, неправильный':

От жизни человеку - убыток, а от смерти - польза. Это соображение, конечно, справедливо, но всё-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая даётся человеку только один раз, происходит без пользы? (VIII, 343)

Где таланты истинные? Поди, ищи: ей-богу, не сыщешь!.. Всё ветхо стало да обнищало. Кто из прежних удалцов и молодцов жив остался, и тот теперь обнищал духом и зарепортовался. Прежде гнались за правдой, а нонче пошла погодня за словом красным да за копейкой, чтоб ей пусто было! Дух странный повеял! Горе, друзья мои! (I, 226)

В некоторых случаях слово "странный" характеризует образ мыслей, образ жизни, необычное мировосприятие персонажа. В таких ситуациях имеем дело не столько с человеком "непонятым, вызывающим недоумение", сколько с человеком, способным на необычные нелепые поступки, непривычное поведение. Слово "странный" приобретает здесь оттенок 'своеобразный, оригинальный':

Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художник, я странный человек, я издёрган с юных дней завистью, недо-вольством собой, неверием в своё дело; я всегда беден, я бродяга, но вы-то, здоровый, нормальный человек, помещик, барин, - отчего вы живёте так неинтересно, так мало берёте от жизни? (IX, 94)

И Саша не спал внизу, - слышно было, как он кашлял. Это с т р а н н ы й, наивный чело-
век, - думала Надя, и в его мечтах, во
всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновен-
ных чувствуется что-то нелепое; но почему-то
в его наивности, даже в этой нелепости столько
прекрасного, что едва она только подумала о том,
не поехать ли ей учиться, как сердце, всю грудь
обдало холодком, залило чувством радости, вос-
торга. (IX, 439)

Анализируемый материал позволяет выделить случаи, в кото-
рых на первый взгляд кажется, что употребление не выходит за
рамки общезыкового плана использования слова "странный". Меж-
ду тем, им характеризуются предметы или явления странные не
сами по себе, а необычные для данной ситуации:

В избе отца Григория жалобно заиграло расстроен-
ное фортепьяно: в девятом часу поповна обыкновенно
занималась музыкой. По деревне понеслись тихие
с т р а н н ы е звуки. (I, 338)

Фёдор взглянул на часы и стал торопливо прощаться.
Он поцеловал руку у Юлии и вышел, но вместо
того, чтобы идти в переднюю, прошёл в гостиную,
потом в спальню.

- Я забыл расположение комнат, - сказал он в
сильном замешательстве.

- С т р а н н ы й дом, Не правда ли, с т р а н-
н ы й дом? (VIII, 463)

Как уже было сказано выше, слово "странный" занимает в ху-
дожественной системе Чехова значительное место. Оно выполняет
самые различные функции; при неоднократном употреблении оно
активно участвует в раскрытии идейного замысла писателя, а в
ряде случаев является смысловым стержнем произведения.

Рассмотрим с этой точки зрения рассказ "Чёрный монах".
В нём слово "странный" находится как бы в центре ижеино-художественного
плана произведения, постоянно вплетается в сюжет-
ную линию.

Содержание любого художественного произведения обусловли-
вает подбор языковых средств, так и в этом загадочном рассказе,
в котором речь идёт о непонятных для окружающих людей стрем-
лениях героя, слово "странный" приобретает особую значимость.
Герой рассказа, Коврин, живёт не настоящей жизнью, а мечтами,
миражами, галлюцинациями, его посещает чёрный монах, который
внушает Коврину мысли о величии, избранности.

Слово "странный" в рассказе употреблено для характеристики явлений, которые либо прямо, либо косвенно связаны с видением Коврина, или же для характеристики самого героя. Впервые оно появляется в следующем контексте:

Вслушавшись внимательно, он понял: девушка, больная воображением, слушала ночью в саду какие-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая нам, смертным, непонятна и потому обратно улетает в небеса (УИИ, 269).

Уже в этой песне выражен мотив, который в дальнейшем определяет всё содержание рассказа: то, что прекрасно и гармонично — простому смертному человеку представляется непонятным и странным, а понятно и доступно лишь человеку больному, сумасшедшему. Таким образом писатель сигнализирует основной конфликт рассказа. В дальнейшем слово "странный" приобретает особую активность. Оно употребляется в описаниях легенды о чёрном монахе или самого миража, проходит лейтмотивом в изображении галлюцинаций Коврина, включается в характеристику героя. В результате слово получает новый поворот семантики: 'непонятный, трудно объяснимый, ни о чем не сообразный'.

Важную роль в объяснении нового смыслового нюанса в слове "странный" играет его словесное окружение, синонимичное сближение слов: "странный, сверхъестественный монах", "странная ни о чем не сообразная легенда", "странные, таинственные звуки", "странное явление — на горизонте точно вихрь или смерч, поднимался от земли до неба высокий чёрный столб".

Под влиянием рассуждений о чёрном неестественном, странном монахе, Коврин сам становится странным и теперь это слово характеризует необычное мировосприятие героя, его манеры, способ поведения:

Но что с вами? — удивилась она, взглянув на его восторженное, сияющее лицо, и на глаза, полные слёз. — Как о й в ы с т р а н н ы й.
А н д р у ш а .
— Я доволен, Таня, (...) я больше чем доволен, я счастлив! (...) — Я только что пережил светлые, чудные, неземные минуты (УИИ, 280).

Одна характеристика накладывается на другую, Коврин всё больше становится отчуждённым:

Таня между тем проснулась с изумлением и ужасом смотрела на мужа. Он говорил, обращаясь к креслу, жестикулировал и смеялся: глаза его блестя и в смехе было что-то странное (VIII, 285).

Описание странности Коврина усиливается, разные "факты" наслаиваются:

Ты сам с собой говоришь, как-то странно улыбаешься ... не спишь (VIII, 286).

И ещё одно употребление слова "странный" заслуживает внимания. Оно введено писателем в конце рассказа. Здесь уже по-другому расставлены акценты, по-другому распределены краски. Это слово употреблено в монологе Коврина, являющемся своеобразной исповедью, подведением итогов жизни героя. То, что во время психической болезни казалось Коврину радостью, счастьем, восторгом, после выздоровления представилось посредственностью:

Кстати же он вспомнил, как однажды он рвал на мелкие клочки свою диссертацию и все статьи, написанные за время болезни, и как бросал в окно, и клочки, летая по ветру, лепялись за деревья и цветы; в каждой строчке видел он странные, ни на чём не основанные претензии, легкомысленный задор, дерзость, манию величия, и это производило на него такое впечатление, как будто он читал описание своих пороков ... (VIII, 291).

Здесь слово "странный" употреблено в значении, отмеченном словарями - 'непонятный, вызывающий недоумение', оно является иллюстрацией контекстуальной реализации общеязыкового значения слова и хотя в данном случае не претерпевает семантических сдвигов, оно играет существенную композиционную роль и выполняет важную функцию в раскрытии идейного замысла произведения.

В заключение следует отметить, что анализ всех употреблений слова "странный" в произведениях Чехова позволяет проследить разное перераспределение семантически значимых элементов в пределах общеязыкового значения, а также выявить различные художественные функции этого слова. Но рамки небольшой статьи вызвали необходимость ограничиться един-

ственными примерами. Тем не менее, наблюдения над некоторыми способами индивидуального словоупотребления во многом помогают оценить роль писателя в развитии литературного языка.

PRZYPISY

¹ Л.С. Ковтун: О специфике словаря писателя. В сб.: Словоупотребление и стиль М. Горького, Л., 1962, с. 16.

² В.В. Виноградов: О языке художественной литературы, М., 1959, с. 232.

³ Б.И. Ларин: О разновидностях художественной речи. В кн.: Б.А. Ларин, Эстетика слова и язык писателя, Л., 1974, с. 36.

⁴ Там же, с. 36.

⁵ Ю.Н. Тынянов: Проблема стихотворного языка, М., 1965, с. 77.

⁶ Слово "странный" в произведениях Чехова встречается 309 раз. В автобиографической трилогии М. Горького это слово зафиксировано 48 раз (по материалам картотеки "Словаря М. Горького" в МСК ЛГУ), в то же время во всех произведениях А.С. Пушкина только 126 раз. Вероятно, в широком использовании этого слова Чеховым сказывается связь с эпохой конца XIX века, в которой было много непонятого, необъяснимого, странного с точки зрения обыкновенного человека - героя чеховских произведений.

⁷ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, М.-Л., 1963, т. XIV, с. 994-995.

Словарь русского языка в четырёх томах. М., 1961, т. IV, с. 386.

Толковый словарь русского языка, под ред. Д.Н. Ушакова, М., 1940, т. IV, с. 546.

В.И. Даль: Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955, с. 385.

С.И. Ожегов: Словарь русского языка, М., 1972, с. 710.

Словарь языка Пушкина, М., 1961, т. IV, с. 393.

⁸ Словарь современного русского литературного языка, изд. АН СССР, М.-Л., 1963, т. XIV, в дальнейшем БАС.

⁹ А.П. Чехов: Полное собрание сочинений и писем, М., 1944-1951. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию. После цитаты в скобках римскими цифрами обозначается том, арабскими - страницами.

O INDYWIDUALNYM UZYCIU WYRAZÓW

Streszczenie

W artykule została podjęta próba określenia zakresu semantycznego słowa "strannyj" w systemie twórczym Czechowa w oparciu o teorię estetycznej funkcji wyrazu w tekście literackim. Wyodrębniono te odcienie znaczeniowe i niuanse semantyczne słowa "strannyj", które w jakiejś mierze różnią się od znaczeń i odcieni znaczeniowych określonych w opisowych słownikach języka rosyjskiego.

Szczególne uwagę poświęcono semantycznej, artystycznej i kompozycyjnej funkcji słowa "strannyj" w opowiadaniu "Czarny mlich".

UEBER DEN INDIVIDUELLEN WORTGEBRAUCH

Zusammenfassung

In diesem Artikel hat man versucht, den semantischen Bereich des Wortes "strannyj" im Schaffungssystem von Czechow anhand der aesthetischen Theriefunktion eines Wortes im literarischen Text zu bestimmen. Man hat diejenigen Bedeutungsabschattungen und semantische Nuance des Wortes "strannyj" abgesondert, die sich von den, in den Russisch-Woerterbuechern bestimmten Begriffs- und Abschattungsbedeutungen irgendwie unterscheiden.

Besondere Aufmerksamkeit hat man der semantischen, kuenstlerischen und kompositionellen Funktion des Wortes "strannyj" in der Erzaehlung "Der schwarze Moench" gewidmet.